

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего – никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла
Обратная сила. 1842 – 1919
Обратная сила. 1965 – 1982
Обратная сила. 1983 – 1997
Цена вопроса. Том 1
Цена вопроса. Том 2
Горький квест. Том 1
Горький квест. Том 2
Горький квест. Том 3

ДЗЮБА

Ночью дом стал уютным и каким-то добрым и теплым. Обычно в отдельно стоящем доме Роман по ночам особенно остро ощущал и глубокую темноту за стеклами окон, и глухую загородную тишину, разрываемую только периодическим лаем собак. И от этого лая, и от темноты ему становилось не по себе, даже если дом был полон спящих людей. А сейчас все иначе. Поначалу все казалось таким мрачным и одиноким, заброшенным и неприкаянным среди голых деревьев и кустарников и рядом с холодной неприветливой водой. Теперь же, окутанный темнотой и тишиной, деревянный дом воспринимался надежным прибежищем, где царит добро и доверие и где не может случиться ничего плохого.

Люше достались материалы об убийстве Леонида Борискина в Сереброве: Дзюба рассудил, что лучше посмотреть информацию свежим глазом. Сам же Роман изучал материалы

по убийству Егора Анисимова. Дима и Анна были отправлены наверх спать, при этом Дима строго-настрого запретил жалеть его и обязательно разбудить, если он понадобится. Анна разрешила Люше воспользоваться своим нутбуком и тоже велела не стесняться и будить, если с техникой что-то не заладится.

Но будить никого не пришлось. Очень скоро, буквально в первые же полчаса работы, обнаружилось, что житель Шолохова Егор Анисимов учился в политехническом институте Серебровва с 2007 по 2012 год. А с 2008 по 2013-й в том же институте учился и Леонид Борискин, только на другом факультете. Поскольку специальности по дипломам у молодых людей были разными, равно как и разными были избранные впоследствии профессии, учеба в одном и том же вузе с первого взгляда в глаза никому не бросилась. Борискин — менеджер-логистик, Анисимов — инженер-гидротехник, работавший на плотине, построенной на Шолоховском водохранилище.

Роман и Люша отметили это совпадение и продолжили искать дальше. Но все было бесполезным: студенческими годами потерпевших никому и в голову не пришло поинтересоваться, ведь годы эти миновали задолго до убийства.

— Завтра прямо с утра я снова поеду к сестре Анисимова, — сказала Люша. — Поспрашиваю ее. Конечно, Егор учился в Серебровве,

дома не жил, но, может, что-то рассказывал, чем-то делился. И друзей-приятелей Анисимова нужно будет прочесать: вдруг кто-то из них учился вместе с ним? Серебров — областной центр, институтов приличных в других городах области нет, только училища и колледжи, так что вполне можно поискать среди друзей Анисимова тех, кто учился в том же вузе или в другом, но в те же годы.

Она что-то записала на лежащем рядом листке и вдруг подняла голову:

— Да, и общагу надо не забыть. Общага — это первое место, где могут столкнуться студенты с разных факультетов. Всякие общеинститутские заморочки — это уже потом, от них можно и откосить, а от общаги никуда не денешься.

Она протянула листок Дзюбе.

— Что это?

— Меморандум для командира, — усмехнулась Люша. — Чтобы он ничего не забыл. Здесь перечень информации, которую надо собрать в Сереброве. Точно такую же информацию мы будем собирать в Шолохове. Когда вопросы одни и те же, ответы потом легче сличать.

Роман взял листок, быстро пробежал глазами. Четкий крупный почерк, каждый пункт пронумерован. Вот что значит женский подход! Все по порядку, все по списку, все тщательно и без спешки. Сам он ни за что не стал

бы ничего записывать, привычно положился бы на свою память... И обязательно что-нибудь забыл бы или упустил. Обычно именно так все и случалось.

Наверху скрипнула дверь, слышались неторопливые тихие шаги, слегка неуверенные: так ходит человек, не до конца проснувшийся.

— Острый приступ, — вялым голосом объявил Дима, спустившись вниз.

Дзюба не на шутку перепугался.

— «Скорую» вызвать?

Люша рассмеялась.

— Острый приступ голода, — объяснила она. — Вечный Димкин прикол. С трех до четырех часов ночи — вынь и положи ему еду, а то не заснет до утра.

Она почти бегом направилась к шкафчику, где лежало «то, что погрызть», и поставила на барную стойку открытую коробку конфет и круглую жестяную синюю коробку с датским печеньем.

— Чайку сделать тебе? — заботливо спросила Люша.

— Угу, — сонно кивнул эксперт.

— А тебе? — обратилась она к Роману.

— Мне тоже, спасибо.

После второй шоколадной конфеты с ореховой начинкой Дима вдруг резко проснулся, взгляд его сделался осмысленным, а выражение лица — живым и заинтересованным.

— Как у вас дела? Есть успехи? Нашли что-нибудь?

— Кое-что нашли, — отозвался Роман. — Надо будет еще информацию пособирать.

— Устали?

— Ну... Есть немного, — признался Дзюба. — Но это ничего, дело привычное.

Люша заварила чай, поставила на барную стойку три чашки, сахарницу и молочник, куда перелила сливки из обнаруженного в холодильнике пакета.

— Командир, а личный вопрос можно? — спросила она.

— Валяй.

— Аня — она тебе кто-то? Или чисто прикрытие?

— Прикрытие.

— А по жизни она кто? Ты вроде говорил, она филолог?

— Ну да. Филфак серебрянского университета закончила.

— И кем она работает с таким образованием? У меня старшая сестрица — филолог, институт культуры закончила, так ни она, ни ее подружки, с которыми она вместе училась, не могут найти работу по специальности. Учителей из педагогического набирают, а преподавательских мест на филфаке на всех не напасешься. В журналистике все тоже битком, а литкритику сегодня никто не читает, кроме

специалистов, на этом не заработаешь. Как же твоя Аня выживает?

— Пишет рефераты, контрольные, курсовые и дипломы за деньги.

— Да? — удивилась Люша. — И что, за это много платят?

— Платят мало. Но если много работать, то на жизнь хватает.

— Ну вот я и знаю, что платят-то копейки и при этом хотят оригинальный авторский текст, «Антиплагиатом» все работы проверяют, так что и не схалтуришь особо, чужим не воспользуешься и цитатами объем не наберешь. Сестрица моя пыталась так подрабатывать, но быстро сломалась. Не потянула. Как же Аня справляется?

— Не знаю, — Роман пожал плечами. — Как-то справляется.

Он подумал, что вполне может сейчас задать наконец тот вопрос, который не давал ему покоя. Если Люша решилась спросить о личном, то и он вправе ответить тем же.

— У меня к тебе тоже личный вопрос. Не возражаешь?

— Ты — командир, имеешь право.

— Да при чем тут... Я хотел спросить: почему ты так ярко одеваешься? Нас учили, что опер должен быть незаметным, сливаться с толпой или по меньшей мере со средой тех, кого он разрабатывает. А тебя за километр видно, внимание привлекаешь. В чем фишка?

Дима фыркнул, не успев проглотить чай. Капли брызнули в разные стороны, попав и на Дзюбу, и на Люшу, и на поверхность барной стойки. Люша мгновенно схватила бумажную салфетку из стоящего здесь же держателя и, не говоря ни слова, ловко вытерла воду. Выражение лица ее при этом ни на секунду не изменилось, а руки действовали, казалось, совершенно автоматически и отдельно от самой девушки.

— Праздник, — по обыкновению лаконично разъяснил Дима. — И природная красота. Страшная сила. Лучше так.

Слов было произнесено вроде бы и немало, но Роман все равно ничего не понял. Люша смущенно улыбнулась и слегка покраснела.

— Дима хотел сказать, что если, по легенде, к нам приехали друзья и мы собрались пару дней протусоваться с ночевкой, то это типа праздник, вот я и оделась как бы понаряднее. Наверное, у вас в Москве на вечеринку с друзьями одеваются как-то иначе, у вас же мода столичная, гламур и все такое, а у нас тут провинция, свои вкусы и своя мода. Понаряднее — значит, поярче.

— Эту часть я понял, — кивнул Дзюба. — А с природной красотой что не так?

Люша смутилась еще больше, и Роман с удивлением понял, что она, так ловко переводившая речь своего жениха и так четко формулировавшая собственные соображения,

почему-то на такой простой вопрос не может подобрать ответ.

— Не приставай к ребенку, — сурово произнес Дима. — Стесняется. Сам объясню. В натуральном виде Люша — смерть мужикам. Голову теряют, глаза выпучивают, не знают, как подойти и что сказать. Короче — полный абзац. Она маскируется. Такая дурочка-бабочка. Чтоб никто не боялся. Несерьезная такая. Не опасная.

— Вот теперь понял, — улыбнулся Роман. — А что, действительно опасная?

— Полный абзац, — снова повторил эксперт, подтверждая свои слова. — Черный пояс. Нормальный мужик ее, вот такую, как сейчас, даже не заметит. Только придурки на таких клюют.

— А если нужно, чтобы серьезный человек клюнул? По работе нужно, например, — допытывался Дзюба. — Бизнесмен какой-нибудь, профессор или еще кто.

— Тогда натуральная. Но лучше этого не видеть. Спокойнее доживешь.

Люша окончательно смутилась, слезла с высокого барного стула, обошла стойку и принялась доставать из коробок банки с пивом, вскрывать их и выливать содержимое в раковину, расположенную рядом с дверью в служебные помещения и кухню. Все правильно, одобрительно подумал Роман, молодец, завтра

утром нужно предъявить кучу пустых банок в подтверждение того, что встреча старых друзей прошла правильно.

— Ты иди поспи, — сказал Дима, ласково глядя на свою невесту. — А я останусь. Мне одна мысль в голову пришла. Хочу проверить.

— Какая мысль? — встрепенулся Роман.

— Я, пока на работе был, одним глазом материалы посмотрел. Зацепило, — невнятно ответил эксперт. — Ты тоже иди. Один справлюсь.

— Ну уж нет, — возмутился капитан. — Я с тобой останусь.

Дима сел к компьютеру и углубился в изучение материалов. По тому, как он пролистывал, не читая, огромные фрагменты, было понятно, что он ищет что-то конкретное. Роман сидел на диване и клевал носом, то и дело проваливался в глубокий, но короткий сон, вставал попить водички, снова садился и снова проваливался...

— Понял.

Роман вздрогнул, открыл глаза, почувствовал, что затекла нога, которую он, усаживаясь, подвернул под себя.

— Что?

— Ты исходил из того, что три: один, один и два. На самом деле два: три и один.

Кошмар... И Люша спит... Не будить же ее! А без нее ничего не понять. Или понять все-

таки можно, просто он, Ромчик Дзюба, слишком глубоко заснул и никак не проснется?

Он попытался осознать сказанное, призвав на помощь арифметику. Один, один и два — получается в сумме четыре, а никак не три. А три и один — тоже выходит четыре, хотя эксперт Дима, этот странный гений, утверждает, что вообще должно получиться два.

— Ни фиги не понял, — честно признался Роман. — Можно как-то попроще? Ну, как для тупых. На пальцах.

Дима вздохнул.

— Серебров. Экспертизы. Черепно-мозговые травмы.

Он сделал паузу и выжидающе посмотрел на Дзюбу, будто спрашивая: «Это понятно? За мыслью следишь?»

— Ага, — кивнул тот.

— Предполагаемый рост преступника, нанесшего удар по голове.

Снова пауза. И снова кивок в ответ.

— В пятнадцатом году — сто шестьдесят пять — сто семьдесят.

Пауза. Взгляд. Кивок.

— В шестнадцатом году — сто восемьдесят — сто восемьдесят пять.

— Угу.

— Орудия разные.

— М-гм.

— Шолохов, пляж. Ножевые. В пятнадцатом году потерявший стоял. Предполагаемый

рост преступника — сто шестьдесят пять — сто семьдесят.

— Ого!

— В шестнадцатом году потерпевший сидел, картина ножевых другая. Но.

— И?

— Орудие, похоже, идентичное. Фотографии повреждений есть. И описание. Раны — один в один, до миллиметра, до угла. Не веришь — посмотри сам.

Дзюба лихорадочно обдумывал услышанное. Рост Игоря Пескова никто не измерял, но по оценкам адвоката Орлова и полковника Большакова — действительно, чуть больше ста восьмидесяти сантиметров. «Один, один и два» — в переводе означало, что один человек убил Леонида Борискина, другой человек — Егора Анисимова, а третий, Игорь Песков, копируя эти два убийства, лишил жизни алкоголичку Галину Лычкину и задумчивого тихого паренька Витю Юрьева. Именно так и думал до недавнего времени Роман Дзюба. Потом у капитана появилось подозрение, что несчастного Юрьева убил вовсе не Песков, а кто-то совсем неизвестный.

Потом появилось предположение, что Борискина и Анисимова убил один и тот же человек, отправивший обоим письма с обвинением в воровстве. А Игорь Песков по чистому совпадению выбрал именно эти два убийства для копирования.